

Intercultural discourse is characterized by a high degree of divergence in the content of the main communicative factors among the participants in communication. Sometimes this can cause communication failures.

Conclusions. The formation of a new cognitive-communicative paradigm proceeds from a philosophical treatment of cognition based on human experience and a system-activity understanding of verbal interaction. Its methodological basis is postmodernism and social constructivism, and the subject area is discourse and its components. Discourse has a thought-communicative nature and refers to the type of objects that can be adequately interpreted only in the light of the non-linear paradigm according to which meaning is not contained in discourse but is constructed by communicants in the course of social interaction taking into account the social and cultural properties of the communication situation and cognitive aspects of communicants. The principle of constructivism allows us to see how the meanings of individual linguistic utterances are jointly formed by two communicants.

The practical significance of communication research in the light of the linguistic-cognitive paradigm is to enable people to understand each other better when communicating, because problems of mutual understanding often arise even among people belonging to one language culture and one social group, and in intercultural communication problems of understanding even more urgent. Thus, applying the results of studying communication in practice in the light of the cognitive-communicative paradigm can make communication more effective.

REFERENCES

1. Jackendoff R. Semantics and Cognition. 6th ed. Cambridge (Mass.): The MIT Press. 1993. – 283 p.
2. Jürgen Habermas. Moralbewusstsein und kommunikatives Handeln. Suhrkamp, Frankfurt am Main, 1983.
3. Teun A. van Dijk. News Analysis. Case studies of international and national news in the press. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1988. 325 p. – P. 2.
4. Макаров Л.М. Основы теории дискурса. – М.: Гнозис, 2003. – 280 с.
5. Langacker R.W. Discourse in cognitive grammar // Cognitive Linguistics. – 2001. – Vol. 12, R 2. – P. 143 – 188.]
6. Holland D. and Quinn N. Cultural Models in Language and Thought. London, New York et al.: Cambridge University Press, 1987.
7. Lakoff G. and Johnson M. Philosophy in the Flesh. The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought. N.Y.: Perseus Books, 1999. – 624 p.

УДК 124.5; 001.3

Г.Г. Старикова

Харьковский национальный университет радиоэлектроники
канд. филос. наук, доц. каф. философии, доцент

М.В. Смоляга

Харьковский национальный технический университет «ХПИ»
канд. филос. наук, доц. каф. философии

ЭТИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ И АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

Статья посвящена актуальной проблеме современной эпистемологии – проблеме соотношения ценностей и научного познания. В качестве новой парадигмы гуманитарного познания рассматривается когнитивно-информационная теория. Предлагается при решении

ценностных проблем в науке опираться на так называемую этику ответственности, которая активно формируется в современном обществе.

Ключевые слова: ценность, научное познание, когнитивно-гуманистический образ науки, истина, этика ответственности.

Г.Г. Старікова, М.В. Смоляга

ЕТИЧНИЙ ІМПЕРАТИВ ТА АКСІОЛОГІЧНІ ПРОБЛЕМИ СУЧАСНОЇ НАУКИ

Статтю присвячено актуальній проблемі сучасної епістемології – проблемі співвідношення цінностей і наукового пізнання. У якості нової парадигми гуманітарного пізнання розглядається когнітивно-інформаційна теорія. Пропонується при вирішенні ціннісних проблем у науці спиратися на так звану етику відповідальності, що активно формується у сучасному суспільстві.

Ключові слова: цінність, наукове пізнання, когнітивно-гуманістський образ науки, істина, етика відповідальності.

G.G. Starikova, M.V. Smolyaga

ETHICAL IMPERATIVE AND ACSIOLGY PROBLEMS OF MODERN SCIENCE

The article is devoted to an actual problem of modern epistemology – the problem of correlation values and scientific knowledge. A purely scientific description of how the truth was offered, regarded as a specific cognitive value. It is also considered a new cognitive-information theory as a possible new paradigm of human cognition. It is proposed to value in solving problems in science based on the so-called ethics of responsibility, actively emerging in modern society.

Key words: value, scientific knowledge, cognitive-humanist image of science, truth, ethics of responsibility.

Вступление. В современной науке за последние десятилетия произошла существенная трансформация, связанная с переосмыслением роли и места в научном познании гуманитарной составляющей. Опираясь на эти принципиальные изменения, современная эпистемология сформировала новое видение как самого познания, так и понимания ценностей, их особой роли, не только внешней, но и имманентной знанию, неотъемлемости ценностной составляющей от познавательной деятельности в целом. Возникла потребность заново осмыслить опыт как трансцендентального, так и диспозиционного подходов к ценностям в истории философии, а также более основательно исследовать опыт естественных и гуманитарных наук, которые давно работают с этими столь сложными для эпистемолога феноменами. Особую **актуальность** данной проблеме придает сложившаяся в современной эпистемологии ситуация, когда все большее значение придается опыту социально-гуманитарного знания. Важными в этом смысле становятся также последствия «лингвистического поворота», «антропологического поворота» и признание важности социокультурной обусловленности научного знания.

Цель данной статьи – рассмотреть современные подходы к проблеме ценностной составляющей научного познания.

Следует отметить, что речь идет не столько о природе ценностей как феномена, – это задача аксиологии, сколько о способах, приемах, подходах к теме «познание и ценности», существующих как в самой философии и близких ей областях знания (этики, эстетики), так и преимущественно в науке. Сегодня размышляют не столько о том, свободна ли наука от ценностей или как ее «освободить» от них, сколько о том, как, в каких формах ценности органично входят в научное знание или деформируют его и как способ такого вхождения зависит от типа науки.

Во второй половине XX в. происходит поворот к новой постановке вопроса: этические императивы, ценностно-нормативную структуру, обеспечивающую автономность науки в демократическом обществе, стали рассматривать как

необходимые составляющие роста научного знания. К этим проблемам обращались все ведущие философы науки: Т. Кун, М. Полани, И. Лакатос, К. Поппер Л. Лаудан и др. А.П. Огурцов отмечает: «В философии науки произошел парадигмальный сдвиг – от собственно теоретико-гносеологической постановки проблем философия науки перешла к иному кругу проблем, который включал ряд социокультурных параметров научного знания, его сопряженность с научным сообществом и ценностями культуры. Теперь уже доминантной становится позиция, которая основывается на социокультурном образе науки, вплетает ее в социальную и культурную действительность и старается размыть границы, установленные в стандартной концепции науки, между научными и вненаучными формами знания» [Огурцов А.П., 1988].

Присутствие ценностей в науке в самых разнообразных явных и неявных формах – это объективная данность, признание которой ставит задачу постижения их разных форм и выяснение последствий этого присутствия. В этом случае меняется сама суть эпистемологических категорий, норм и способов познания, существенно возрастает объем понятийного аппарата, появляется потребность в новых конструктивных приемах и принципах для этой области философского знания. Это означает, что расширяется предметное поле общей эпистемологии и вместе с тем появляется дополнительно некоторая конкретная область – «формы и функции ценностей в познании», – специфицирующая подход к ценностям, но примыкающая к общей эпистемологии, ее базовой проблематике [Микешина Л.А., 2007].

Сегодня все больше осознается, что знание, освобожденное от ценностей и предпочтений, – это лишь идеализация знания, его упрощение, в настоящее время проблема состоит в том, чтобы понять, как в контексте ценностной «нагруженности» познания получать относительно истинное знание о действительном мире, а не только его предельной идеализации и абстрактной модели.

Другой аспект проблемы – соотношение «знания и ценности» в случае, если они достаточно автономны и находятся как бы во внешнем взаимодействии, – является не менее значимым и существенно дополняет рассмотренную выше сторону проблемы. Говоря о науке, мы имеем в виду не только систему знаний, но и систему человеческой деятельности, из которой состоит «занятие наукой». Эта деятельность частично имеет ментальный характер, однако в значительной мере (особенно в современном мире) она состоит из конкретных человеческих действий, регулируемых теми или иными, в том числе экономическими, этическими, личностными, ценностями. Очевидно, что к любой форме человеческой деятельности могут быть применимы моральные суждения, ее оценка с точки зрения этических критериев. При этом следует отметить, что вся нравственная оценка науки, согласно этой точке зрения, зависит в целом исключительно от рассмотрения целей науки – целей, которые, по словам Агацци, характеризуют науку как «идеальный тип» человеческой деятельности [Агацци Э.А., 2009]. В настоящее время ситуация осложняется активным развитием и широким распространением технологии, вроде бы не являющейся наукой по определению, но теснейшим образом с ней связанной. Подлинная ситуация нашего времени характеризуется подавляющим присутствием технонауки – той неразделимой смеси науки и технологии, которая уже не позволяет игнорировать конкретные цели при этическом рассмотрении научной деятельности. Исследования данной проблемы позволяют предположить, что современный этап развития науки может быть охарактеризован как смена парадигм – переход от традиционных нарративистских подходов к формированию когнитивно-гуманистического образа науки.

На дальнейшие исследования повлияло обнаружение, с одной стороны, универсального характера оценивающей деятельности субъекта познания, а с другой – все более расширяющегося «арсенала» ценностей индивида и общества. Это привело к тому, что суждения ценности стали обобщаться до суждений оценки, поскольку под

ценностью теперь стали понимать не только то, что соответствует (не соответствует) высшим нравственным и эстетическим идеалам, но и просто соответствие (несоответствие) любым, в том числе мировоззренческим, нормам и принципам. Было осознано, что всякая деятельность предполагает оценивание, и соответственно оценка как результат (кроме, естественно, чисто технических, математических операций) содержит в себе элементы выбора, предпочтений, склонностей и других субъективных моментов, что в ней присутствуют те или иные идеалы, нормы и принципы.

Важнейшим теоретическим моментом явилось также включение объективно истинных результатов познания, в первую очередь научных истин, в «арсенал» общественных и индивидуальных ценностей. Этот аспект проблемы «истина – ценности» рассматривает А.А. Ивин, выявляя различие в характере истинностного и ценностного соотношения представления субъекта и самого объекта. Исследователи считают, что ценность как отношение соответствия объекта представлению о нем является противоположностью истины как отношения соответствия представления объекту. Такая постановка проблемы, на первый взгляд выявляющая суть дела, неожиданно заставляет задуматься над самым аристотелевским определением истины как соответствия знания (суждения) действительности. В самом деле, определение привычно и очевидно в рамках платоновско-аристотелевской традиции, в которой мы по-прежнему мыслим. Однако возникает и сомнение в универсальности этого определения. С чем мы сопоставляем знание, чтобы определить его как истинное? Что означает столь неопределенное понятие «действительность»? Во-первых, для материалиста – это материальная действительность, для объективного идеалиста – это действительность сознания вообще, для субъективного идеалиста. обнаружение, с одной стороны, универсального характера оценивающей деятельности субъекта познания, а с другой – все более расширяющегося «арсенала» ценностей индивида и общества. Это привело к тому, что, как отмечалось, суждения ценности стали обобщаться до суждений оценки, поскольку под ценностью теперь стали понимать не только то, что соответствует (не соответствует) высшим нравственным и эстетическим идеалам, но и просто соответствие (несоответствие) любым, в том числе мировоззренческим, нормам и принципам. Было осознано, что всякая деятельность предполагает оценивание, и соответственно оценка как результат (кроме, естественно, чисто технических, математических операций) содержит в себе элементы выбора, предпочтений, склонностей и других субъективных моментов, что в ней присутствуют те или иные идеалы, нормы и принципы.

Представляется убедительной и принципиальной позиция американского философа Х. Патнэма, изложенная в широко известном труде «Разум, истина и история». Он показал, что традиционное противопоставление «факт – ценность» не имеет рациональных оснований. Понимание научного факта предполагает определенные ценности, в частности «ценность самой истины», которая в свою очередь предполагает определенные критерии-ценности, например, «критерий рациональной приемлемости (acceptability)». Это и есть специфические эпистемологические ценности, явно или неявно существующие в науке, показывающие, что наука не является «ценностно нейтральной». Здесь представлены такие когнитивные «достоинства», как когерентность, функциональная простота, обоснованность, оправданность, хорошая подтверждаемость, наиболее подходящее объяснение. Особенность этих характеристик состоит в том, что они не столько служат успешности теории, сколько определяют отношение к теории, ее оценки, и сами ценности носят вполне объективный характер. Подобно терминам «добро», «красота», «благо», слова «когерентный» и «простота» используются для похвалы и одобрения [цит. по Александров А.Д., 1987].

Мы видим, что в современной науке ценностями, с одной стороны, становятся такие формы знания, как истина, факт, методы и методологические принципы. В свою

очередь, «классические» ценности, прежде всего моральные и эстетические, включенные в познавательную деятельность, могут принимать «знаниевую», когнитивную форму. Это знание особого типа, знание о субъекте, «нагруженное» его эмоциями, предпочтениями, мотивами, выражаемыми в формах идеалов, норм, картин мира, стиля мышления, а также концептами здравого смысла, парадигмами, научно-исследовательскими программами и др. Через ценности и оценки в обыденное и научное знание входит социокультурное и историческое измерение. Это нестрогое, неформализуемое, связывающее с реальностью общества, человека знание о его нравственных, эстетических, религиозных, научных и иных позициях. Однако необходимо отметить, что социально-политическое развитие вкупе с научно-техническим прогрессом сформировало в обществе ситуации, требующие новых ценностных ориентиров. Научно-технический прогресс и рационализация жизненного мира способствовали развитию техногенной цивилизации, открывшей для человечества не только огромные возможности развития, но и новые угрозы, связанные с использованием рискованных технологий, увеличивающих способность человека изменять окружающий мир. Если раньше влияние человека на окружающую среду было локальным и причиненный урон удавалось компенсировать, то на протяжении последних десятилетий негативное антропогенное влияние приобрело глобальный характер. Продвижение в сфере инновационных технологий обернулось для человечества невиданными опасностями и угрозами, имеющими необратимые и кумулятивные последствия. Сегодня наука перестала быть инструментом лишь интеллектуала, ее развитие и применение определяется политическими, военными и промышленными составляющими, которые далеко не всегда служат процветанию и благу человечества.

Постепенное осознание глобальных угроз вынудило мировое сообщество к поиску альтернативных путей развития. Значительный вклад в прогнозирование глобальных перспектив развития человечества осуществили представители Римского клуба А. Печей, Д. Форестер, Е. Ласло, Б. Гаврилишин и др. Осознание последствий технологического прогресса в планетарных масштабах привело, с одной стороны, к смене этической парадигмы с антропоцентрической на экоцентрическую. С другой стороны, возникает концепция этики, основанная на принципе ответственности перед человечеством и будущим. Создатель этой концепции Г. Йонас подчеркивает, что общепринятые этические нормы, моральные чувства и здравый смысл являются недостаточными для формирования моральной ответственности. Поскольку люди не способны представить крайне сложные кумулятивные последствия научно-технической деятельности, возникает потребность в новой научно обоснованной этике, которая могла бы предвидеть эти негативные последствия и предостеречь от них. Соответственно, целью такой этики является сохранение сущности человека, данной ему от природы, и способности обеспечить баланс между человеком и природой. Развитием этой концепции стало формирование дискурсивной этики ответственности. Этика дискурса, предложенная Апелем, предполагает потенциально неограниченное сообщество, охватывающее все противоречия, существующие между его членами. Настоящее решение проблем должно быть возложено на всех членов коммуникативного сообщества, с целью обсуждения всех аспектов данной проблемы. Существует равная ответственность всех членов, причем ответственность за решение проблем также распространяется и на те возможные проблемы, которые ныне не дискутируются.

На основании проведенного анализа можно сделать следующие **выводы**. Пока в индустриальном обществе и традиционной этике будет преобладать техническое мышление, в рамках которого практически все рассматривается с точки зрения научно-технической редукционистской модели, человечество будет сопровождать глобальные

угрозы и опасности, которые могут привести к полному самоуничтожению. Исходным условием современности должна стать переориентация традиционной антропоцентрической этики в сторону этики ответственности, в которой самым главным этическим императивом станет обеспечение существования человечества сегодня и в будущем. Подводя итоги, хочется процитировать современного нидерландского философа Эгберта Шумана: «Этика и мораль должны стать центральными темами нашего XXI столетия. Каждый шаг в технологическом развитии должен требовать трех шагов в сфере этики ответственности».

ПЕРЕЧЕНЬ ССЫЛОК:

1. Огурцов А.П. Дисциплинарная структура науки. Ее генезис и обоснование / А.П. Огурцов. – М.: Наука, 1988. – 256 с.
2. Микешина Л.А. Эпистемология ценностей / Л.А. Микешина. – М.: (РОССПЭН), 2007. – 439 с. (Серия «Humanitas»).
3. Агацци Э.А. Почему у науки есть и этические измерения? [Текст] / Э.А. Агацци // Вопросы философии. – 2009. – №9. – С. 93 – 104.
4. Александров А.Д. Истина как моральная ценность // Наука и ценности. Сб.статей. – Новосибирск, 1987. – 263 с.

УДК 272.732.4-675(456.31)

Е. В. Мараховська

Харківська державна академія культури,
канд. філос. наук, доц. кафедри культурології

СУЧАСНІ ІНТЕРПРЕТАЦІЇ ВЧЕННЯ КАТОЛИЦЬКОЇ ЦЕРКВИ ПРО ШЛЮБ ТА СІМ'Ю

Аналізуються основні засади сучасного римо-католицького вчення про шлюб та сім'ю, проблеми біоетики, виховання дітей (гендерне виховання). Розглядається теоретична спадщина папи Івана Павла II присвячене сімейній проблематиці та покликанню жінок, діяльність папи Франциска щодо модернізації сімейної етики Католицької Церкви.

Ключові слова: шлюб, сім'я, біоетика, гендер, виховання, секуляризація, модернізація.

Э. В. Мараховская

СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ УЧЕНИЯ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ О БРАКЕ И СЕМЬЕ

Анализируются основные положения современного римо-католического учения о браке и семье, проблемах биоэтики, воспитании детей (гендерном воспитании). Рассматривается теоретическое наследие папы Иоанна Павла II, посвященное семейной проблематике и призванию женщин, деятельность папы Франциска по модернизации семейной этике Католической Церкви.

Ключевые слова: брак, семья, биоэтика, гендер, воспитание, секуляризация, модернизация.

E.V. Marakhovska

MODERN INTERPRETATIONS OF THE TEACHING OF THE CATHOLIC CHURCH ON MARRIAGE AND FAMILY

The main provisions of the modern Roman Catholic doctrine of marriage and family, the problems of bioethics, the upbringing of children (gender education) are analyzed. The theoretical